

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕЭМИГРАНТОВ НА РОДИНУ И ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА СЕРАПИОНОВА

Как известно, выходцы из чешских земель приезжали в Россию с древних времен, но массовый характер эмиграция в Россию приобрела лишь в конце 1860-х, и, согласно первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в России проживали уже 50 тыс. чехов и словаков (они учитывались вместе). К началу Первой мировой войны их насчитывалось уже более 100 тыс. Причем среди них были как уже российские подданные, так и подданные Австро-Венгрии, приехавшие в Россию в основном из-за экономических причин.

Первая мировая война резко изменила положение чехов и словаков в России. Особенно это коснулось тех из них, кто не сменил или не успел сменить подданство на российское, так как подданным враждебного государства, с которым Россия вела войну, грозила конфискация имущества, интернирование и высылка либо на родину, либо в отдаленные сибирские губернии. Это стало одной из причин активности русских чехов и словаков по организации национального движения, объединения различных групп в единый Союз чехословацких обществ в России, формирования воинских частей (постепенно увеличивавшихся за счет пленных – от дружины до корпуса, с 700 человек до 50 тыс.), призванных воевать на стороне России, по предоставлению финансовой помощи семьям убитых, раненым, инвалидам, пленным и в целом чехословацкому национально-освободительному движению за рубежом.

Чехи и словаки уже в первые дни войны участвовали в собраниях, манифестациях, на которых выражали преданность России. Представители чешских обществ обращались к российским властям с декларациями, добились аудиенции у императора Николая II и передали ему меморандум, где говорилось, что чехи и словаки борются за национальное освобождение от немецкого и венгерского ига и союз чехословацкого государства с Россией. Многие чешские и словацкие предприниматели переориентировали свои

предприятия на помощь фронту.¹ Эта деятельность русских чехов и словаков в годы войны все еще должным образом не оценена.

После октябрьского большевистского переворота, национализации земли и предприятий, многие чехи и словаки лишились трудом нажитого имущества и, опасаясь за свою жизнь и жизнь членов семей, решили вернуться на родину. Но сделать это было не просто (не было средств на дорогу до границы, на выплату выездных виз и т.п.), поэтому лишь часть русских чехов и словаков перебралась во вновь созданное чехословацкое государство.

Послевоенная разруха, прерванные хозяйственные связи из-за изменения государственных границ в результате распада Австро-Венгерской империи, экономический кризис совпали с возвращением в Чехословакию большого количества легионеров и военнопленных. Чехословацкое правительство еще в 1919 г. заявило о негативном отношении к возвращению реэмигрантов на родину.² Но, стараясь спасти себя и свои семьи, некоторым удалось все-таки вернуться на историческую родину.

Особо тяжелая обстановка сложилась в самом начале 1920-х годов, когда домой вернулись около 140 тыс. легионеров (из них более 70 тыс. из России), а затем еще 250 тыс. военнопленных и реэмигрантов. Эти люди в большинстве своем нуждались в трудоустройстве, жилье, у репатриантов в большинстве своем не было средств для существования. Сложная обстановка грозила социальным взрывом, государственные органы были вынуждены разработать стратегию помощи нуждающимся репатриантам.

Первые возвращенцы начали прибывать в ЧСР с 1918 г. В сообщении полицейского управления в Праге в президиум земского политического управления от 25 января 1919 г. сообщалось: «Вчера в час ночи из Киева в Прагу прибыли 28 воинов и 26 гражданских лиц с восьмью детьми».³ Далее рассказывалось об этих людях, куда и с какой целью они едут. Например, Ян Крейза, 1880 года рождения (г. р.), музыкант, солист киевской оперы, с женой и детьми следовал к родственникам, Теодор Кабела, 1870 г. р., бухгалтер одной из киевских фирм, опасаясь ее ликвидации, ехал к братьям в Прагу с женой и двумя детьми, Мария Крживска, 1872 г. р., следовала к матери в Бубовицы у Карлова Тына, коммивояжер Ян Шмал, которого война застала в России, возвращался к жене и детям в Дьанов. Среди этих людей

1 Подробнее см. об этом: Muratov, Alexandr – Muratova, Dina: Osudy Čechů v Rusku, 19.–20. století. Cesta z Kyjeva do Vladivostoku. Praha 2017; Pavlík, Jiří: Otakar Červený. Mecenáš československých legií v Rusku. Praha 2014.

2 Vaculík, Jaroslav: K postavení Čechů na Ukrajině ve 20. a 30. letech (se zvláštním zaměřením na východní Volyň) In: Češi v cizině 6, 1992, s. 73.

3 Národní archiv (NA), fond Prezidium místopředsedství (PM), sign. 8/1/85/12, kart. 5021, čj. 18364.

были шофер, крестьянин, конструктор, слесарь, бывший владелец мастерской по ремонту автомобилей, адвокат. Братья Антонин и Микулаш Веселы уже имели российское подданство, некоторые из приехавших родились в России, например, Йозеф Михалец, уроженец Бершовце Волынской губернии, или родившийся в Николаеве в 1866 году и приписанный к Москве управляющий международным банком Адольф Форстеттер, бежавший от преследований большевиков с женой, детьми и их воспитательницей. Многие вернулись не только без имущества и средств к существованию, но и без паспортов. Личности 18 из них были установлены и подтверждены. При этом выяснилось, например, что Вацлав Шебек женился в России в 1913 г. повторно, не расторгнув брак на родине.

С января 1919 г. по приказу М. Р. Штефаника началась эвакуация инвалидов и больных легионеров, а вместе с ними и граждан ЧСР (в том числе колонистов, имевших регистрацию в чехословацких населенных пунктах, так называемое *domovské právo*), через Владивосток.⁴

Когда репатриантов из России в Чехословакии стало уже немало, 9 апреля 1919 г. возникло Объединение чехов и словаков из России (*Sdružení Čechů Slováků z Ruska*).⁵ Его первым председателем стал О. Андерле, а заместителем Ф. К. Шнепп. Оно ставило целью защиту интересов своих членов и установления торговых, экономических и культурных отношений с новой Россией.⁶ В самом начале 1920-х сохранялась надежда, что ситуация в России изменится, и станет возможным возвращение туда. Объединение сразу же подало прошение правительству о финансовой поддержке вернувшихся из России,⁷ аргументируя это тем, что многие земляческие организации помогали чехословацкому национальному движению и созданию Чехословацкого корпуса в России. Министерство финансов согласилось оказывать преимущественно тем, кто жил до войны в России и в годы войны участвовал в национальном движении.⁸ Объединение обратилось и в Министерство иностранных дел с инициативой создания специального фонда помощи заслуженным деятелям национального движения в России (Я. Вольфу, семье О. Червенны).⁹ Осенью 1920 г. Объединение стало издавать ежемесячный вестник.

4 Vaculík, Jaroslav: *Reemigrace a repatriace Čechů a Slováků po první světové válce*. Brno 2014, s. 22–23.

5 *Věstník Sdružení Čechů a Slováků z Ruska* 1, 1920, č. 1.

6 См. о нем: Šedivý, Ivan: *Sdružení Čechů a Slováků z Ruska a československá vláda 1919–1929 (podpora, subvence, odškodnění)*. In: *Československý časopis historický* 36, 1988, č. 2, s. 212–237.

7 NA, fond Ministerstvo financí (MF), sign. 15055/ 1919, kart. 147.

8 *Věstník Sdružení Čechů a Slováků z Ruska* 1, 1920, č. 3.

9 *Ibid.*

18 октября 1920 г. Объединение чехов и словаков из России просило Министерство социального обеспечения ускорить репатриацию чехов и словаков с Украины. В это министерство поступали многочисленные просьбы и заявления о желании репатрироваться, в основном с Украины. В отчаянном письме из Запорожья, адресованном Э. Бенешу, сообщалось: «Голы, босы, голодны, хотим вернуться в Чехословакию».¹⁰ Через год (5 октября 1921 г.) Министерство социального обеспечения объясняло Объединению чехов и словаков из России сложности репатриации, ссылаясь на то, что часто у репатриантов нет необходимых документов. В 1920–1921 гг. репатриация гражданских лиц с Украины осуществлялась вместе с военнопленными Министерством национальной обороны, где до 1923 г. функционировал специальный репатриационный отдел. В Харькове действовала чехословацкая репатриационная комиссия. Осенью 1920 г. из России прибыл транспорт с чехами и словаками из Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Уфимской губерний и из Ташкента.¹¹

В октябре 1921 г., согласно телеграмме чехословацкого генерального консула, в Триест прибыло судно «Wigbert» с 1200 репатриантами на борту, из них 205 чехов и словаков, включая 100 женщин и детей. Это были военнопленные, занятые на работах в Таганроге, и колонисты из Новороссийска, Екатеринодара и Армавира, в основном пивовары из небольших кавказских городов. Чуть позже туда же на судне «Herald» прибыла еще одна партия с чехами из Ростова.¹² Из России и Украины к 30 сентября 1922 г. было репатрировано 56 594 солдата, 37 694 бывших военнопленных и 29 070 гражданских лиц.¹³ За репатриацию неимущих платило и Министерство социального обеспечения.

В 1922 г. вице-консульство ЧСР существовало в Батуми, а в Пардубицах был карантин для прибывавших из России. Через Батуми возвращались и военнопленные. Планировалось закончить послевоенную репатриацию чехословацких граждан из Австрии, Германии, России, Украины до 31 декабря 1923 г. Послевоенная репатриация официально закончилась 30.06.1924 г.

В 1920 г. вышел закон о пострадавших в войне, согласно которому государственные выплаты увеличивались с 1,7 млн чехословацких крон (далее кр. ч.) в 1919 г. до 3, 66 млн кр. ч. в 1921 г. Но реэмигранты-колонисты не попадали под действие ни этого закона о возмещении убытков пострадав-

10 NA, fond Ministerstvo sociální péče (MSP), sign. 8/e-5, kart. 469.

11 Věstník Sdružení Čechů a Slováků z Ruska 1, 1920, č. 1.

12 Věstník Sdružení Čechů a Slováků z Ruska 2, 1921, č. 1.

13 NA, MF, sign.101010/1931, kart. 869.

шим в войне, ни под закон от 31 декабря 1917 г. о военных беженцах. По этому вопросу разгорелась дискуссия между Министерством внутренних дел и Советом министров. МВД выступало против предоставления возмещения возвратившимся из России на основе закона о военных беженцах. Совет министров считал, что из России бежали не только от социального хаоса, но и от военных действий.

В 1919 г. начались советско-чехословацкие контакты по линии Красно-го Креста для решения вопросов военнопленных и гражданских пленных.¹⁴ В 1920 г. чехословацкая и советская стороны обменялись миссиями Красного Креста, которые были призваны содействовать репатриации военнопленных и гражданских лиц.

В Братиславе был создан Центральный комитет помощи «чехословакам» за границей. Его председателем стал советник министра В. Долейши.

За помощью к правительству, президенту и парламенту не раз обращались как отдельные лица и группы, так и созданные легионерами и реэмигрантами организации. В 1921 г. возникла еще одна организация выходцев из России – «Объединение чехов и словаков из России, их родственников и друзей» (*Jednota Čechů a Slováků z Ruska, jich příbuzných a přátel*).¹⁵ В фонде Министерства промышленности, торговли и предпринимательства сохранилось множество документов с просьбами о поддержке. В 1922 г. чешские предприниматели из России обращались с просьбой о финансовой помощи. Рабочий, вернувшийся из России, направил президенту письмо с просьбой о трудоустройстве (в резолюции на письме значится – предоставить место). С просьбой о помощи обращался в Министерство социального обеспечения писатель Р. Врба. Помощь в размере 500 кр.ч. была ему предоставлена.¹⁶ Есть и трогательное письмо группы реэмигрантов с объяснением, что они вовсе не все «буржуи», какими их считают социал-демократы, проголосовавшие в парламенте против закона о выплатах пострадавшим из России.¹⁷ В обращениях за помощью кратко описывались драматические судьбы вернувшихся из России и оказавшихся неимущими: вдовы Божены Таришовой, портного Йозефа Узлика, 60-ти лет, женатого, с 1912 г. проживавшего в России и вернувшегося на родину в 1922 г., приказчика Вацлава Старого, жившего

14 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 138. Референтура по Чехословакии, оп. 2, д. 2, папка 1, л. 4–6.

15 В 1925 г. обе организации объединились в Центральное объединение чехов и словаков из России, но затем из-за программных расхождений опять разъединились. – NA, fond Národní rada česká (NRC), sign. Sl. P-3411, kart. 156.

16 NA, MSP, sign. A 4/a-2, kart. 465.

17 NA, fond Ministerstvo průmyslu, obchodu a živnosti (MPOŽ), sign. 288/22, kart. 22.

в Риге с 1885 г. и возвратившегося в 1919 г., вдовы, муж которой был убит в Киеве большевиками, матери 3-х детей (5-ти, 12-ти и 14-ти лет) Марии Вонятковой, приехавшей на родину в 1920 г., пивовара Адольфа Неумана, проживавшего в России с 1890 г. и вернувшегося с польской оккупированной территории в 1916 г., торговца галантерейными товарами Йиндршиха Бартона, уехавшего в Россию в 1907 г. и вернувшегося в 1919 г., инвалида, бывшего строителя Йозефа Халамы из Турчанского св. Мартина и многих, многих других.¹⁸ Их просьбы и требования касались также возмещения убытков за движимое и недвижимое имущество: потерю домов, имущества, предприятий в России. Члены Объединения чехов и словаков из России добивались принятия соответствующих законов, проводили манифестации.

В ответ на обращения как отдельных граждан, так и организаций реэмигрантам оказывалась финансовая помощь и помощь в трудоустройстве. По линии Министерства социального обеспечения помощь в основном шла нетрудоспособным: старикам, вдовам, многодетным матерям, инвалидам. В 1920 г. Объединению чехов и словаков из России была выделена субсидия в размере 10 тыс. кр. ч., а в 1921–1922 гг. Министерство внешней торговли предоставило ему субсидии в 20 тыс. кр. ч. Одним из первых на нужды Объединения откликнулся Национальный чехословацкий совет (НЧС, Národní rada česká / Československá), выделив ему 200 тыс. кр. ч. 5 апреля 1921 г. НЧС провел специальное совещание о реэмиграции чехов и словаков из России. Указывалось, что вопросами реэмиграции занимался специальный отдел Министерства национальной обороны и Чехословацкий Красный Крест. На это мероприятие для выступления был приглашен помещик из Киева Вацлав Вондрак. На совещании в том числе речь шла и о тех волынских чехах, которые после Рижского договора оказались на территории Польши. Говорилось о том, что создававшиеся консульства в Ровно и Львове должны заниматься положением волынских чехов в Польше.¹⁹

Была удовлетворена просьба Союза словацких торговцев и промышленников, возвратившихся из России, о кредите в 3 млн кр.ч. под залог 10 млн царских и думских рублей. В Союз входили около 100 возвратившихся из России словацких торговцев и промышленников.²⁰

По просьбе Объединения чехов и словаков из России правительство организовало выкуп старых крон и российских денег, который проходил в несколько этапов и осуществлялся до конца 1922 г. Царские и думские рубли выкупались в 1920–1922 гг. по решению Совета министров Мини-

18 NA, MSP, sign. A 4/a-2, kart. 465.

19 NA, NRČ, sign. Z-440, kart. 350 (2).

20 NA, fond Prezidium Ministerské Rady (dale PMR), sign. 1131, kart. 496.

стерством финансов у Объединения чехов и словаков из России и Красным Крестом у военнопленных и беженцев. Правда, курс выкупа устанавливался значительно ниже предлагавшегося Объединением чехов и словаков из России.²¹

Следующая болезненная проблема касалась выплаты компенсации за понесенный ущерб в России. В 1921 г. Объединение чехов и словаков из России направило письмо президенту ЧСР Т.Г. Масарику о возмещении 25 % очевидных и 15 % доказанных потерь (дома, имущество, предприятия). Затем последовало обращение в парламент принять соответствующий закон. Реэмигранты требовали от правительства урегулировать этот вопрос с советской стороной. При официальных и неофициальных контактах чехословацких дипломатов с советскими представителями этот вопрос ставился, но не продвигался из-за жесткой позиции советского руководства, которое не признавало собственность чехов и словаков в России и выдвигало встречные требования покрытия ущерба, нанесенного интервенцией и Гражданской войной. Так, в письме от 6 июня 1920 г. председателю правительства министр иностранных дел Э. Бенеш сообщал о своих переговорах с комиссаром внешней торговли РСФСР Л. Б. Красным в Лондоне, указывая, что «собственность наших людей в России они [большевики. – Е.С.] не признают».²² Вопрос осложнялся еще и тем, что вплоть до 1934 г. между ЧСР и СССР не существовало официальных дипломатических отношений.

Вопрос о компенсациях в самой Чехословакии обсуждался долго, с начала 1920-х гг. министерства старались переложить друг на друга заботу о возвратившихся из России. Затем была создана межминистерская комиссия, а потом и постоянный комитет по оказанию помощи чехам и словакам из России. Вплоть до 1927 г. его возглавлял В. Гирса. Высказывались идеи предоставлять земледельцам в качестве компенсации землю или кредиты на покупку земли в Словакии. МИД ЧСР поддержал предложение компенсировать ущерб выдачей ссуды в 3 млн на приобретение земли в Словакии.

В 1923 г. Объединение чехов и словаков из России просило компенсацию в размере 80 млн кр.ч. Лишь 14 декабря 1927 г. последовало правительство решение о выделении на поддержку чехов и словаков из России 50 млн крон с выплатой по 10 млн ежегодно (но с вычетом уже выплачен-

21 Ibid. Объединение просило выкупать рубли по курсу 1,5 кроны за рубль, на практике царские рубли обменивались по курсу 85 галлержей за царский и 70 галлержей за думский рубль. – *Věstník Sdružení Čechů a Slováků z Ruska* 1, 1920.

22 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. 1. М. 1973, с. 348.

ных до этого сумм). Был составлен список пострадавших из 3433 человек, который затем был тщательно изучен и проверен чехословацким представителем в Москве. 35 % данных об ущербе касалось потери недвижимости: имений, лесов, заводов, домов и т. п.²³ Потерпевшим выплачивались разные суммы: от 2 до 70 тыс. кр. ч. Компенсации должен был выплачивать Легионбанк из доходов, полученных при ликвидации имущества легионеров.²⁴ Существовал также особый фонд для выплат пособий и предоставления займов «чехословакам» из России.

В 1922 г. при Объединении чехов и словаков из России возник отдел бывших политзаключенных, в который входили 28 человек. Объединение брало на себя заботу о своих нетрудоспособных членах, больных и престарелых. Другими организациями, защищавшими интересы возвратившихся из России, стали: Объединение чехословаков из России, их родственников и друзей, Круг стародружинников (членов Чешской / чехословацкой дружины, созданной из числа колонистов еще в 1914 г.), с 1923 г. Земледельческое объединение чехов и словаков из России (*Zemědělská jednota Čechů a Slováků z Ruska*) и др.

До 1924 г. реэвакуация осуществлялась на 100 % бесплатно за счет государственных железных дорог ЧСР. Позже Министерство железных дорог отказывалось брать на себя перевозку репатриантов. Но и в начале 1930-х гг. оставались желающие уехать из России. Эта новая волна стремящихся выехать в Чехословакию была связана также с началом коллективизации в СССР. В 1929–1930 гг. негативную позицию в отношении репатриации заняло Министерство финансов из опасений того, что возвратившиеся на родину в условиях начавшегося кризиса не найдут работу и пополнят армию безработных. Тогда Министерство социального обеспечения предложило вывезти чехословацких колонистов до конца 1932 г. за счет своих средств.²⁵

В Словакии для репатриантов строились дома, Министерство социального обеспечения выделяло помощь неимущим и безработным из России. Существовали проекты взамен выплат за ущерб уменьшить налогообложение возвратившихся из России, а также решить вопрос в рамках земельной реформы путем выделения участков земли. Последним предложением воспользовались около 150 семей (т. е. примерно 500 человек), которым были выделены участки земли в Словакии и Чехии.

Подавались предложения о предоставлении чехам и словакам из России займа на организацию ремесленных мастерских в Подкарпатской Руси,

23 NA, PMR, sign. 1131, kart. 497.

24 NA, MF, sign. 60819, kart. 805.

25 NA, MF, sign. 108110, kart. 869.

о выдаче концессии на открытие пивных, доход от которых шел бы пострадавшим в России. Еднота проводила лотереи в пользу голодающих чехов и словаков из России.

И хотя социальная политика правительства ЧСР нередко вызывала критику, особенно в начале 1920-х гг., но благодаря сплоченности чехов и словаков, вернувшихся из России и создавших для защиты своих интересов целый ряд объединений и союзов, чехословацкие власти были вынуждены искать пути решения сложных вопросов, пытались улучшить ситуацию и принимали соответствующие меры. Поэтому опыт межвоенной Чехословакии по решению социальных проблем заслуживает самого пристального внимания.

The return of re-emigrants to their homeland and the policy of the Czechoslovak government in the early 1920s

The article deals with the difficult situation that developed in the Czechoslovak Republic in the early 1920s in connection with the return of the large number of legionnaires, prisoners of war and re-emigrants to their homeland. The author focuses on the Czechs and Slovaks from Russia, their attempts to receive compensation for property lost due to the war, revolution and nationalization. The interests of the returned Czechs and Slovaks were defended by organizations and associations they created, which constantly appealed to the parliament and the government with requests and demands for support. An analysis of the various measures taken by the Czechoslovak authorities clearly shows the social policy towards re-emigrants, the study of which is very relevant even in our days of exacerbation of refugee problems.